

Фёдор Плевако

СУДЕБНЫЕ РЕЧИ

Москва, 2017

УДК 82-51
ББК 67.7
П38

Плевако, Ф. Н.

П38 Судебные речи / Ф. Н. Плевако. – М. : T8RUGRAM, 2017. – 208 с.

ISBN 978-5-519-62461-9

Фёдор Плевако (1842–1908) – выдающийся адвокат и талантливый оратор, прозванный за своё красноречие «московским златоустом». Будучи неизменным участником крупнейших политических и уголовных процессов конца XIX – начала XX века, Плевако грамотно излагал факты, играл на контрастах и виртуозно импровизировал. Своим мастерством адвокат покорял сердца простых слушателей, отчего залы суда неизменно были заполнены публикой.

Данный сборник познакомит читателя с наиболее блистательными примерами адвокатского мастерства Фёдора Плевако как в качестве защитника, так и в качестве гражданского истца. Книга даёт достаточно полное представление о личности адвоката, его ораторском таланте, способности оказывать тонкое и глубокое психологическое воздействие на людей, а также позволяет читателю узнать об общественно-политической жизни страны и состоянии судебной системы того времени.

УДК 82-51
ББК 67.7
BIC LAS
BISAC LAW025000

ISBN 978-5-519-62461-9

© T8RUGRAM, оформление, 2017

Содержание

Дело Бартенева	5
Дело Грузинского.....	38
Дело Лукашевича	59
Дело Люторических крестьян.....	100
Дело Максименко.....	120
Дело рабочих Коншинской фабрики.....	152
Дело Замятниных	162
Речь Ф. Н. Плевако в защиту	
Каструбо-Карицкого.....	179

Дело Бартенева

А. М. Бартенев предан суду по обвинению в умышленном убийстве артистки Марии Висновской. По обвинительному акту дело состояло в следующем.

В феврале 1890 года кто-то из знакомых Бартенева представил его Висновской в кассе Варшавского драматического театра. Миловидная наружность известной на всех сценах артистки произвела на Бартенева сильное впечатление. Через некоторое время он сделал Висновской визит, но, чувствуя некоторую робость в ее присутствии, бывал у своей новой знакомой редко и ограничивался лишь посылкой букетов и изредка утренними посещениями. Позднее Бартенев стал бывать у Висновской чаще и, наконец, сделал ей формальное предложение вступить с ним в брак. Это предложение зависело от согласия на этот брак родителей Бартенева, с которыми он во время отпуска должен был переговорить.

Съездив в деревню, Бартенев с родителями, однако, не говорил об этом, ибо наперед знал, что получит отказ. Висновской же он сказал, что с родителями говорил, но их согласия не добился.

Бартенев все чаще стал посещать Висновскую, ежедневно посылал ей на дом и на сцену мелкие подарки и букеты, и таким образом поддерживались между ним и Висновской хорошие отношения. Эти отношения простого знакомства круто переменились 26 марта 1890 г. Вечером этого дня, после ужина в квартире Висновской, последняя отдалась впервые Бартеневу. Счастье Бартенева, однако, не было полным. Большой сценический успех, красивая наружность и сильно развитое кокетство Висновской привлекало к ней мужчин, и их посещения вызывали в Бартеневе чувство ревности. Под влиянием этого чувства и горя, что он не может жениться на

Висновской, Бартенев часто говорил ей о своем намерении лишить себя жизни; Висновская же, охотно говорившая о кончине и окружавшая себя эмблемами смерти, поддерживала этот разговор и показывала банку, в которой, по ее словам, был яд и маленький с белой ручкой револьвер. Во время одного из таких разговоров Висновская спросила Бартенева: хватило ли бы у него мужества убить ее и затем лишить себя жизни? В другой раз она взяла с него обещание, что он известит ее об окончательном решении покончить с собой и даст ей возможность увидеть его и проститься с ним. Мрачные мысли, однако, быстро сменялись шумными пирушками в загородных ресторанах и любовными свиданиями. Рядом с ними шли, однако, взаимные неудовольствия и легкие размолвки. Как-то в мае Висновская заявила Бартеневу, что его ночные посещения компрометируют ее, и просила его, если он желает встречаться с ней наедине, приискать квартиру в глухой части города. 16 июня 1890 г. комната, нанятая Бартеневым в доме № 14 по Новгородской улице, была отделана, и в тот же день Бартенев предложил Висновской взять ключ от этой квартиры. «Теперь поздно», — ответила она и, не объясняя значения слова «поздно», утром следующего дня, то есть 17 июня, уехала на целый день на дачу к матери. Мучимый ревностью и объясняя отъезд Висновской и слово «поздно» желанием прервать с ним отношения, Бартенев написал Висновской полное упреков письмо, которое оканчивалось заявлением, что он лишит себя жизни. Одновременно с письмом он отослал ей все полученные от нее письма, перчатки, шляпу и другие мелкие вещи, взятые им на память. Отослав письма и вещи, Бартенев поехал к своим знакомым Михаловским и вернулся около полуночи домой. Полчаса спустя горничная Виснов-

ской передала ему записку своей барычи, прибавив, что Висновская ждет его в карете. Несколько минут спустя Бартенев и Висновская уехали в город. На пути и в квартире на Новгородской улице происходили объяснения, кончившиеся тем, что Висновская назначила Бартеневу свидание в той же квартире на другой день в шесть часов. Это свидание, как говорила Висновская, должно было быть последним, потому что уже окончательно был решен ее отъезд через несколько дней за границу, сначала в Галицию, а затем в Англию и Америку.

На другой день в седьмом часу ожидавший Висновскую Бартенев открыл ей двери помещения на Новгородской улице. Войдя в комнату, Висновская положила на диван два свертка, раздевшись, вынула из одного из них пенюар, а из другого — большой заряженный принадлежавший Бартеневу и хранившийся у Висновской револьвер. На вопрос Бартенева, зачем она принесла револьвер, Висновская ответила, что он ей больше не нужен и что она возвращает его владельцу. В начале свидания оба находились под впечатлением размолвок последних дней; потом разговор стал нежнее, Бартенев говорил о любви, о том, что он не переживет ее отъезда, и вскоре прежние отношения возобновились. Приблизительно в, десять часов вечера Висновской захотелось есть. Поужинав, Висновская легла на диван. Часа два спустя Висновская спросила Бартенева, который час. Оказалось, что полночь миновала, «Пора мне домой», — сказала Висновская и собиралась одеваться, но, по просьбе Бартенева, легла опять и задумалась. «Какая тишина, — сказала она через некоторое время, — мы точно в могиле». Потом, помолчав, прибавила: «Пора мне ехать, но как-то не хочется уходить, я чувствую, что не выйду отсюда». Бартенев на это

ничего не ответил, и разговор прекратился. «Разве ты меня любишь? — возобновила Висновская разговор, — если бы ты меня любил, то не грозил бы мне своей смертью, а убил бы меня». Бартенев возражал, что он себя может лишить жизни, но убить ее у него не хватит сил. Вслед за этим он прикладывал револьвер с взведенным курком к себе. «Нет, это будет жестоко, убить себя на моих глазах, что же я тогда буду делать», — сказала Висновская и, вынув из кармана своего платья две банки — одну с опиумом, а другую с добытым Бартеневым, по ее просьбе, хлороформом, предложила принять вместе яду, и затем, когда она будет в забытье, убить ее из револьвера и покончить затем с собой. Бартенев согласился. После этого они оба начали писать записки. Висновская писала долго, рвала записки и опять начинала писать. Окончив свои записки раньше Висновской, Бартенев начал ее торопить. После этого Висновская приняла опиум вместе с портером; Бартенев тоже выпил немножко отравленного портера. Затем Висновская легла на диван и, помочив два носовых платка хлороформом, положила их себе на лицо. Через некоторое время Бартенев присел на край дивана, обнял левой рукой находившуюся в забытье Висновскую и, приложив бывший у него в правой руке револьвер к обнаженной груди ее, спустил курок. Когда это случилось, Бартенев с точностью определить не мог; он допускает, однако, что выстрел последовал в три или после трех часов утра. Совершив убийство, Бартенев около пяти часов утра запер квартиру и, забрав с собой револьвер, уехал домой.

Объяснение обвиняемого о лишении им жизни Висновской по ее просьбе и согласно желанию убитой, говорит обвинительный акт, опровергается вполне как показаниями родственников и друзей потерпев-

шей, так и содержанием восстановленных из найденных на месте преступления разорванных на мелкие куски записок покойной. Текст записок гласит следующее: 1) «Человек этот угрожал мне своей смертью — я пришла. Живой не даст мне уйти» 2) «Итак последний мой час настал: человек этот не выпустит меня живой. Боже, не оставь меня! Последняя моя мысль — мать и искусство. Смерть эта не по моей воле». 3) «Ловушка? Мне предстоит умереть. Человек этот является правосудием!!! Боюсь... Дрожу! Последняя мысль моя матери и искусству. Боже, спаси меня, помоги... Вовлеки меня... это была ловушка. Висновская». По поводу содержания последних трех записок Бартенев ничего не смог ответить.

Он подробно описал все обстоятельства их пребывания в одной комнате перед убийством. «Я так был убежден, что отец никогда бы мне не разрешил жениться на Висновской, а поэтому и написал в записке фразу: «Вы не хотели моего счастья». Висновская долго писала записки, писала с расстановками, не спеша обдумывая. Напишет что-то и остановится, думая, глядя на дверь; опять напишет два-три слова и снова размышляет. Написав записки, она рвала их, бросала, куда попало, и снова принималась писать; опять рвала и снова продолжала писать. Я кончил писать гораздо раньше. Комната освещалась одной свечкой, когда мы начали писать, я хотел зажечь другую свечу, но она сказала: «Не нужно!». Сколько было написано ею записок, не знаю; помню только, что осталось их две; я спросил ее, что она написала; она ответила: одну матери, а другую в дирекцию театров; о разорванных записках я ее не спрашивал. Она захотела прочесть мои записки и разорвала ту, которую я написал в резкой форме Палицыну, сказав, что если ее оставить, то Палицын ничего не сделает

для матери, как она его о том просит в своей записке. Затем опять начался разговор о нашей любви, о безысходности положения, о том, что нам остается умереть, и тут я прибавил, что «уж если так, то надо это сделать поскорее!». Она решила сначала принять опиум, чтобы привести себя в бессознательное состояние, а я должен был сначала ее застрелить, а потом уж себя. Она насыпала в стакан с портером опия, и стала пить глотками эту смесь. Остаток, долив портером, выпил я. Она легла на диван и просила положить ей на колени две записки, ею написанные. Я это исполнил. Затем она намочила свой и мой платки хлороформом и наложила их себе на лицо. Помню, что она попросила дать ей еще опия; я подал, но она не приняла, так как у нее появилась рвота. Она просила убить ее во имя нашей любви, настойчиво повторяя: «Если ты меня любишь, убей», Я сидел возле нее с револьвером в правой руке и взведенным еще раньше курком. Я, кажется, обнял ее за шею левой рукой, а она все время лепетала, чтобы я ее убил, если люблю. Помнится, что я прильнул к ее губам; она по-французски сказала: «Прощай, я тебя люблю»; я прижался к ней и держал револьвер так, что палец у меня находился на спуске; я чувствовал подергивания во всем теле; палец как-то сам собой нажал спуск и последовал выстрел. Я не желаю этим сказать, что выстрелил случайно, неумышленно; напротив того, я все это делал именно для того, чтобы выстрелить, но только я хочу объяснить, что то мгновение, когда произошел выстрел, опередило несколько мое желание спустить курок. Голова у меня была, как в тумане. После выстрела мной овладел ужас, и в первый момент у меня не только не появилось мысли застрелить тут же себя, но у меня никаких мыслей не было или, вернее, они все перепутались в моей голове, и я не знал, что делать.